У нас в гостях

артисты, режиссеры, зрители. Они рассказывают о своих мечтах и планах в связи с началом нового театрального сезона

ХОТИМ ОПРАВДАТЬ СВОЕ ИМЯ

Рассказывает Олег ЕФРЕМОВ

У нашего маленького коллектива большая радость: наконец-то мы имеем свое собственное помещение! Министерство культуры СССР предоставило нам прекрасный зал гостиницы «Советская» на Ленинградском проспекте (бывший Дом кино).

В своем «собственном доме» мы и начали подготовку к открытию сезона.

Многим юным читателям понравилась повесть Анатолия Рыбакова «Приключения Кроша», рассказывающая о Гражданской войне. Ее герои скоро станут на сцене нашего театра. Пьесу по мотивам этой повести я написал вместе с Маргаритой Николаевой. Вместе мы будем и ставить этот спектакль, который готовим к 40-летию ВЛКСМ.

Читатели «Московского комсомольца» помнят, наверное, опубликованный в этой газете большой очерк, посвященный бригадмильцу Леониду Гаврильцеву. Его юношеские поэмы «Ночь», написанная для нашего театра драматургами А. Заком и И. Кузнецовым. Называется она «Подсолнечные вечера». Ставим этот спектакль Виктор Сергачев и я.

С интересом мы ждем новых пьес от близких нам по творческому направлению драматургов В. Розова и А. Володина.

«Современник» — так называется наш коллектив. Верность быть верным этому имени, воплощать на сцене образы подлинных героев современности — наш долг и наша мечта.

Моей молодой смене

О. КНИППЕР-ЧЕХОВА

Шестидесятый сезон открывает МХАТ этой осенью, а память моя летит к далеким годам... Летний горячий день 1898 года в подмосковной деревне Пушкино — день первого сбора тогда совсем юной группы Художественного театра.

Сцена, выстроенная в саду на пустыре, несколько деревянных скамей да длинный дощатый стол. За этим столом проводились чтения по ролям, за ним же не занятые в репетициях актрисы сидели, вышивая гарусы, покупаемые, нижали бисер жемчужный дружно в ожидании, когда кончится «Царь Федор» — первого спектакля, которым открылся только что родившийся театр.

С тех пор прошла целая жизнь. Мы были молоды, одержимы мечтой о сцене и влюблены в свой театр, на знамени которого великие наши учителя Станиславский и Немирович-Данченко начертали заповеди большого, истинного искусства.

Звуки колокольчика по утрам. Репо и двенадцать начало репетиций. Снег замыл за режиссерским столом вымазывает на полупрямо другого сала великолепнейшие сапоги голову Константина Сергеевича — все это привычно, любимо. Репетиции начинались, как по хронометру. И горе тому актеру, которого рояль и двенадцать не было на сцене.

Запоздавший бежит из фойе или буфета:

— Я здесь, Константин Сергеевич!

— Что значит здесь? Здесь — это когда вы находитесь перед суфлерской будкой. Вот что значит здесь. А когда вы ходите по фойе или буфетам, это еще не значит здесь!..

Работать со Станиславским была мучительно и радостно одновременно. Он требовал полного слияния актерского существа от всего наносного, от мелких чувств, от самолюбия во по существу. Он нянчил нас, молодых актеров, с нашими мыслями, чувствами держимы мы выходили на сцену, чтоб вся бытовая сторона, все мелкие интересы оставались за стенами театра.

В работе он был неутомим и страстен. Помню одну из репетиций «Месяца в деревне». Роль Натальи Петровны, которую я играла, все не удавалась, шла трудно, мучительно. Промучались несколько часов, и не выдержала я, разрыдалась, убежала с репетиции. На следующее утро мне подали письмо от Станиславского. Тем есть слова, которые стали для меня чем-то вроде заповеди, которые я впоследствии читала так часто, что запомнила их почти наизусть:

«...Имейте терпение вникнуть, подумать и понять... И Вы поймете лучшие радости в жизни, которые доступны человеку в этом мире. Мне Вас быть твердой и мужественной в борьбе, которую Вам надо одолеть — не только ради Вашего таланта, который я всем сердцем люблю, но и ради всего нашего театра, который является смыслом всей нашей жизни...»

Юность МХАТа связана с именем Чехова. И вот сегодня глядит на афиши моего театра, вступающего в свой шестидесятый юбилейный сезон, Чехов. «Три сестры», «Дядя Ваня», «Вишневый сад». Как радостно, что Чехов — друг, любимый человек, друг нашего театра — живет на сцене МХАТа.

Незабвенные слова Антона Павловича в пору нашей юности, в те дни, когда решался вопрос «быть нам или не быть?».

Мы открывали свой второй сезон спектаклем «Смерть Ивана Грозного». Спектакль прошел трудно, все мы ждали, и больно, тяжело было на душе у всех нас, «художественников». И именно тогда пришло письмо от Антона Павловича, любившего театр какой-то удивительно трепетной, нежной любовью. Не раз Антон Павлович в шутку мечтал, что в старости попросит себя выкатить при театре, поступить сторожем, лишь бы быть поближе к театральной жизни, к репетициям, к дружным спорам, актерам.

«Искусство, особенно театр, — написал нам Антон Павлович, — это область, где нельзя ходить, не спотыкаясь. Впереди еще много нерадостных дней; будут и большие недоразумения, и широкие разочарования, — но всему этому надо быть готовым и, несмотря ни на что, упрямо, фанатически тянуть свою лямку».

Нынешний год был годом триумфальной поездки МХАТа по странам Западной Европы. Театр повез на гастроли три чеховских спектакля.

А перед самым отъездом у себя дома я слушала такую дорогую, знакомую мне с детей моей артистической юности сцену из «Трех сестер». Они понравились мне своей молодостью: натянутая, как струна, поэтичная и трепетная Ирина — Рая Максимова, Ольга — Кира Ивановна, которую я знала больше других и высоко ценила за ее глубокий, какой-то серьезное и умное дарование. И, конечно, я с особенным волнением слушала за Маргаритой Юрьевной—Машей, потому что сама подлинно играла эту роль и любила ее горячо и ревниво.

С волнением читала я о гастролях МХАТа за рубежом. Наконец пришла весточка и мне — теперь, спустя полгода, из Лондона, в которое чуть ли не каждый участник шестидесятого сезона вписал доброе слово.

Я верила в успехи моего театра с самого начала, и я не обманулась. Лондон, Париж, Варшава рукоплещут всемирному мастерству МХАТа, рукоплескали творцам Чехова.

Что же пожелать моим молодым друзьям перед началом нового сезона? Ведь для кого-то, как и то незабвенное лето 98-го года для меня, — это первый сезон в театре.

Бейтесь упорностью и довольствуйтесь самим собой. Главная работа над ролью для меня лично начиналась уже после премьеры и шла от спектакля к спектаклю, от дня ко дню. Несите на сцену все то «настоящее», что дано вам природой, предано любите свое дело, боритесь за правду в искусстве, воспитывайте в себе неустанное стремление к совершенствованию и работайте упорно, страстно, безкапризно...

Для тружеников Подмосковья

— Наш театр особенный, — сказал побывавший у нас в гостях главный режиссер Московского областного театра драмы Лев Лазаревич Поленский. — Он не имеет своего постоянного помещения и показывает свои спектакли в городах и районах Московской области. Значительная часть нашего репертуара посвящена молодежи. С интересом встречают школьники и девушки спектакль «Тоня» — комсомольцы, воспитатели целины. Для самых юных зрителей мы поставили сказку Владимирского «Чудесный клад».

Центральной постановкой минувшего сезона была пьеса бразильского драматурга Гальдеро Фигуейдо «Лиса и виноград».

Над чем театр работает сейчас? Наша ближайшая премьера — спектакль по пьесе современного эстонского драматурга Э. Раннета «Клубный галстук». Получила высокую оценку на «Прибалтийской театральной весне».

К юбилею ВЛКСМ

Побывавший у нас в гостях молодой режиссер Центрального детского театра Анатолий Эфрос рассказал:

«Вольные мастера» — так называется пьеса, которую театр готовит к 40-летию ВЛКСМ. Вам ничего не скажет имя ее автора — Лора Демонсо. 20-летний заведующий сельским клубом, трагически погибший год назад. Тем же незаконом было это имя и мне. Но когда я дважды прослушал пьесу «Вольные мастера», я поверил в ее одного человека, сомневающегося, принимать ее или не принимать.

Чем же захватила нас «Вольные мастера»?

Трудно несмышленым словами определить тему пьесы. Автор разоблачает беспочвенность и обреченность индивидуализма, крах последних одиночек, любо, пытающихся поставить себя вне общества, вне нашей жизни и труда.

В «Вольных мастерах» играют мастера и молодежь нашего театра: Г. Сказанкина, Н. Покровская, Н. Терновская, А. Дмитриева, Т. Надеждина, А. Шмаров, Д. Дорон и другие.

Уже сейчас можно говорить об интересной работе молодого актера А. Шмарова, создающего образ центрального героя — «Ящика с ослепительным чубом», предводителя «вольных мастеров-одиночек». На этот раз А. Шмаров, который изображал сдержанных, скрытых характеры с приглушенным темпераментом, играет пылкую натуру, человека огромной энергии и яркого таланта, к сожалению, не случайно, но как нужно применить его.

Сейчас репетиции в полном разгаре. Премьера спектакля состоится к юбилейным дням празднования 40-летия ВЛКСМ.

НА СНИМКЕ: репетиция спектакля «Вольные мастера».

Фото В. ЖАНОВА.

ОБРАЗ НАЧИНАЕТ ЖИТЬ...

Рассказывает артистка МХАТа Любовь СОКОЛОВСКАЯ

...На премьере «Марии Стюарт» я сидела, как завороженная. Кудрявые удлиненные, занавес, волшебные розы кресла, я вся была поглощена трагедией Марии—Тарасовой — королевой-мученицей, умной и поэтической, величавой. Через два месяца, во время болезни Ирины Константиновны, роль Марии поручили мне.

Признаться, я не без страха начала репетировать: недавно окончила школу-студию МХАТа, и это была мне первая трагическая роль.

В день спектакля Алла Константиновна обводила меня, помечала удачи.

С тех пор минуло полтора года.

Сегодня вечером снова раскрываются занавесы на сцене МХАТа, начнется новый театральный сезон. На сцене по пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве» Дорн — Шоу «Ученик дьявола», которую я играю роль жены священника, Дингуэ.

После шиллеровской Марии Стюарт мне нелегко перейти в этой роли Дингуэ — самый обыкновенный женщина, воспитанная в суровой американской семье. Она вполне довольна своим мужем, своим общественным положением. И вдруг в эту размеренную жизнь врывается Ричард Дадгин, чудачка-дьявол, человек, бросающий вызов обывателям. Мужчина-бродяга происходит в сердце Дингуэ дотоле дремавшее Ричарду, а вместо этого горячо любит его. В ее беспокоящей душе, смешанной противоречиями, расцветает неведомое доселе чувство.

Цельность облика Дингуэ, логика ее поступков не сразу стали понятны мне. А когда я вжилась, как говорится, в роль, американка XVIII века мне не показалась мне такой далекой и чужой, как вначале. Я думаю с теплотой о Дингуэ, и мне хотелось бы, чтобы зрители тоже сочувствовали ей.

В нынешнем сезоне и должна сыграть роль рабыни Мели в пьесе прогрессивного бразильского драматурга Фигейреду «Лиса и виноград».

В этой сложной, философской, многоплановой пьесе, воспринимаемой как памфлет на современное буржуазное общество, всего шесть действующих лиц. Здесь нет второстепенных фигур.

«Я хочу быть боевой и любимой», — говорит Мели. Свобода, конечно, тоже неплохая вещь, но если бы удалось добиться благополучия мужа, занять место его жены Клеи, к чему тогда свобода? Мели и так будет хорошо...

Эта жажда благополучия любой ценой заглушала Мели, и я зала начинала казаться, что она влюблена в Исайфа. Работаешь, по-сценьки заглядывает она в глаза возьмет, угадывая мои мысли...

Порой мучительно трудно рождается образ. Не хватает опыта, мастерства, знания жизни. И тогда на помощь приходит старшие товарищи.

Артистка Л. М. Сахновская в роли Марии Стюарт.

В. Я. Станицын, А. К. Тарасова, П. В. Массальский. Вся взыскательной и дружеской поддержкой этих и многих других мастеров МХАТа вряд ли возможен был бы для меня путь в настоящему искусству.

Татьяна и Наташа

Рассказывает лауреат конкурса вокалистов на VI Всемирном фестивале Тамара МИЛЛАКИНА

Этим летом в составе группы артистов Большого театра мне довелось побывать в Сталинграде. Мы выступали перед рабочими тракторного завода, «Красного Октября», перед строителями Сталинградской ГЭС. Трудно передать впечатление от всего увиденного. Встречи с трудящимися города-героя были волнующими и незабываемыми для всей нас, а для меня особенно. Ведь мне, студентке Московской консерватории, только что принятой в стажерскую группу Большого театра, выпала честь петь вместе с такими прославленными мастерами, как Сергей Яковлевич Лемешев, Алексей Петрович Иванов и другие.

Весной на сцене Большого театра я спела партию Татьяны в «Евгении Онегине». Конечно, мне очень дорого показали товарищей, аплодисменты. Но я хорошо понимаю, что сделанное — только начало большого и непрерывного труда, который продлится, должно быть, всю жизнь. Этому учит меня и мой педагог в большой дружбе Елена Константиновна Катульская.

Сейчас я работаю над партией Наташи в опере Прокофьева «Война и мир». Это центральная постановка Большого театра в наступающем сезоне. Осуществляет ее главный дирижер А. В. Мелик-Пашаев и главный режиссер В. А. Покровский.

Наташа... Как хочется раскрыть перед слушателями ее светлую душу! Впереди множество уроков, репетиций. Очень хочется, чтобы большой труд всего коллектива театра увенчался успехом.

ПЕРВАЯ РОЛЬ

Говорит Татьяна САМОЙЛОВА

Первая роль в театре... Бесконечные репетиции, репоны, прогоны.

Помнишь, только на них в настоящему пошла: что такое театр, пошла, как спектакли умеет уметь драматический актер.

Трудности подстерегали на каждом шагу. Артисты обязаны говорить так, чтобы их хорошо было слышно в самых дальних уголках зала. И вдруг оказалось, что мой тихий, слабый голос, который отличался раздавался лишь в первых рядах.

— Нужно серьезно работать над постановкой голоса, — сказали режиссеры Елена Ивановна Зотова и Николай Павлович Охлопков.

Долгие вечера проводила я в аудиториях зала, стараясь сжать потоки воли одни в то же время, приближаясь к вершине и удалялась в тень. Только поддержка старших товарищей помогла мне довести работу до конца...

Но главная трудность состояла не в этом. Участвуя в фильме «Летят журавли», я привыкла, что каждый эпизод снимается отдельными кусками. В промежутках между съемками есть время подумать, еще раз мысленно поработать над ролью... А в театре всю сцену нужно прожить сразу, сразу. Это сначала казалось неосуществимым.

И вот, именно, первый спектакль. Я волнуюсь, сдержу и... пугаюсь. Перед глазами, в темноте зала — море голов, которых не было на репетициях.

После первых спектаклей я уходила домой разбитая, опустошенная. Что-то на так. Не было свободы в движениях, какой-то внутренний сыплоп...

Трудно сказать, когда наступил перелом, когда мне удалось привлечь внимание зрителя. Но, кажется, этот перелом вызвали наступили...

Новых мои планы на будущее? Михаил Константинович Калатозов и Сергей Павлович Урусевский, с которыми я работала над фильмом «Летят журавли», предложили мне сниматься в новой киноленте «Неотправленное письмо».

...Четверо молодых геологов пробиваются сквозь тайгу навстречу взлету. В рюкзаках у них ценные образцы алмазов. Понимь, что все не выйдут на дорогу, они по очереди уходят в тайгу, чтобы оставить продовольствие тому, кто должен дойти. И среди них — моя Тина.

Съемки этого фильма будут очень сложными — в тайге я в первые. Что ж, чем труднее, тем интереснее!

СЛОВО — ЗРИТЕЛЯМ

Нина Худякова,
телеграфистка Центрального телеграфа:

Я можно встретить девушек, молодых героев нашего времени. Везде, прямо... театральных подмостках. Еще мало, очень мало хороших спектаклей о советской молодежи идет на сценах московских театров.

Мне кажется, что прежде всего мы вправе предъявить претензии театру имени Ленинского комсомола. В прошлом году он не радовал зрителей новинкой. Идешь мимо театра, читаешь афишу — пьеса «Клавка счастья»...

Мы надеемся, что в новом сезоне на сцене нашего молодежного театра появится больше молодых героев, больше пьес из жизни молодежи.

Ирина Шишкина,
старший архивариус «Мосфильма»:

Много в Москве театров. Но, наверное, у каждого на нас есть свой любимый... За его работой следишь пристально и придирчиво.

Новый спектакль в «своем» театре — событие. На премьеру идешь, как на праздник.

Таким театром является для меня коллектив вахтанговцев. Я люблю его за разнообразие и смелость каждого спектакля, за остроту и подлинную театральность режиссерских решений, за великолепное мастерство актеров.

Меня, как и всех болельщиков театра имени Вахтангова, очень радует, что у коллектива есть талантливый молодой пополнение. В прошлом сезоне появился новые имена молодых артистов, что коллектив создает молодежные спектакли, не менее значительные, чем «Город на заре».

Помните, дорогие товарищи вахтанговцы: у вас много друзей в нашем городе, друзей верных, но требовательных!

Нона Буачидзе,
студентка Московского энергетического института:

Перед началом театрального сезона мне хочется обратиться в антракс, творческая судьба которой меня волнует.

Короче Майя, первый раз я встретилась с Вами в течение пяти минут. Шел фильм «Дети было в Ивановке». О экрана на меня смотрела девушка, мой ровесник, такая же, как и я, или и мои подруги.

С первых же минут меня захватила Ваша игра, вместе с Вами я ругалась с председателем колхоза, переживала любовь и Матвею.

Сейчас Вы стали моей любимой актрисой.

И вот на афише театра имени Станиславского я прочитала названия премьеры — «Гаспарон» пьеса. В роли Анны — Майя Менгает. Чем дальше развивалась действие, тем хуже я себя чувствовала. Лиза у Вас получилась какая-то схематичная, девушка на выданье и в театрах мы встречали таких героинь, наставляющих на «путь истинный», горлом чаем, чем и зонтик. Возможно, тут виновен режиссер или пьеса, но только... они?..

Скоро в Вашем театре ждется новый сезон. И мне хотелось увидеть Вас в значительной, глубокой роли. И будьте уверены, я всегда вспоминаю иногда о зрителях, которым будут вместе с Вами радоваться Вашему успеху и огорчаться в случае неудачи.

МОЯ МЕЧТА

Рассказывает солистка балета Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Елена ТАЛИЦКАЯ

На сцене — замоскворецкий пустырь зимы.

В лединном сне дремлют деревья. А в углу — стайка замерзших птичек. Но вот появляется прекрасная Весна, и птички пробуждаются... Всем известная сцена из «Снегурочки» Римского-Корсакова. С этой оперой я сделала начало моей работы на сцене.

Я играла... воробья. А было мне тогда девять лет. Помню, воробью по ходу действия полагалось дрожать от холода. Но он прожил от волнения, продолжал дрожать и тогда, когда добрая Весна своим дыханием согрела птичек...

Окончив хореографическое училище Большого театра, я стала балериной.

...Это случилось во время поездки нашего театра в Китай. Я вдруг серьезно заболела. Пришлось лечь в больницу на операцию. Театр уехал, и я осталась одна. Одна! Но! Обо мне думали и заботились все: врачи и лаборанты, артисты и рабочие, перед которыми мы выступали.

Теплое внимание и любовь к советским людям, к нашему реалистическому искусству мы ощущали везде, где довелось побывать театру, — в Германской Демократической Республике, Франции, Бельгии, Польше и, конечно, в городах нашей Родины. Это сообщает нам, дает силы для напряженного творческого труда.

Последняя моя большая роль — Лелитта в балете советского композитора Кребса «Дочь Кастильи». В создании трагедийного образа девушки, ставшей жертвой гнева, мне очень помог мой молодой балетмейстер О. Чичинадзе. Сейчас участвую в постановке балета Адана «Корсар».

О чем я мечтаю? О роли в новом советском балете, о моей будущей героине — девушке с большим любящим сердцем... Очень хочется, чтобы новый балет был любим зрителями в наступающем сезоне.

НА СНИМКЕ: балерина Елена Талицкая в танце четырнадцатилетней лебедей на балете «Лебединое озеро».